

УДК 94(477)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/50/12

МЕЖДУ МИГРАЦИОНИЗМОМ И АВТОХТОНИЗМОМ: ВОПРОС ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУСИНОВ ЗАКАРПАТЬЯ В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ НАЦИОНАЛЬНОГО НАРРАТИВА*

Д.Е. Алимов

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 119034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: d.alimov@spbu.ru

Авторское резюме

К середине XIX в. в русинской историографии оформились две основные концепции происхождения русинского населения на землях Венгерского королевства: миграционизм, связывавший первое появление русинов за Карпатами с миграцией в Карпатскую котловину венгров, и автохтонизм, утверждавший, что русины или их предки к моменту прихода венгров уже проживали на занимаемых ими территориях. В то время как концепция миграционизма основывалась на информации средневекового письменного источника – «Деяниях венгров» Анонима, появление автохтонистской концепции было обусловлено развитием в Европе протонационального дискурса и отражало ориентацию русинских авторов на модерную историографию. Обозначившееся с развитием критической историографии противоречие между автохтонизмом и распространившимся в науке представлением о скандинавском происхождении названия «русь» было разрешено в русинской историографии с помощью теории о происхождении угорских русинов от «русского» (т. е. восточнославянского) племени белых хорватов, покорившихся в X в. власти Киева. В результате автохтонистская концепция выдержала испытание временем и стала важным элементом русинского национального исторического нарратива.

Ключевые слова: русины, национальный исторический нарратив, миграционизм, автохтонизм, белые хорваты.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

BETWEEN MIGRATIONISM AND AUTOCHTHONISM: ON THE ORIGIN OF TRANSCARPATHIAN RUSINS IN THE DISCURSIVE SPACE OF THE NATIONAL NARRATIVE*

D.E. Alimov

Saint Petersburg State University
7/9 Universitetskaya Embankment, Saint Petersburg, 199034, Russia
E-mail: d.alimov@spbu.ru

Abstract

By the mid-19th century the Carpatho-Rusin historiography had formed two basic concepts of the origin of the Rusin population living in the Hungarian Kingdom: migrationism, which connected the first appearance of the Rusins in the future Hungarian territory with the Hungarian migration to the Carpathian Basin at the end of the 9th century, and autochthonism, which claimed that the Rusins or their immediate ancestors had settled there long before the migration of the Magyars. While migrationism was based on the medieval written source – the anonymous *Gesta Hungarorum* (circa 1200), autochthonistic concept appeared due to the development of proto-national discourse in Europe and reflected the orientation of Rusin authors to modern historiography. There was a contradiction between the autochthonistic discourse of the Rusin origins and the notion of the Scandinavian origin of the name "Rus" developed in the critical historiography. This contradiction was resolved in the Rusin historiography in the second half of the 19th century by means of the theory that the Hungarian Rusins originate from the "Rusin" (that is East Slavic) tribe of White Croats, who were subjugated by Kiev in the 10th century. As a result, the autochthonistic concept has stood the test of time and become an important element of the Rusin national historical narrative.

Keywords: Rusins, national historical narrative, migrationism, autochthonism, White Croats.

* The research was supported by the Russian Science Foundation, Project Nr. 16-18-10080: Mobilised Middle Ages: The Use of Medieval Images in Discourses of Nation and State Building in Russia and Countries of Central-Eastern Europe and the Balkans in Modern and Contemporary Times.

Национальный исторический нарратив, т. е. последовательное изложение истории народа / нации от прошлого к настоящему, как особый жанр историографии строит свою научную легитимность на примордиалистском подходе к этничности, согласно которому этнос может быть идентифицирован как через этническое самосознание, так и через присущие ему культурные характеристики. Отсюда следует, что основным смыслообразующим принципом национального исторического нарратива является артикуляция преемственности между прошлым и настоящим в этнических категориях, вследствие которой народ как своего рода коллективный социальный актор предстает субъектом исторического процесса (Schöpflin 1997). Хотя к настоящему времени примордиалистский подход потерял свое господствующее положение в науке об этничности, уступив место различным вариациям конструктивизма, отрицающего объективное существование этносов и переключающего внимание исследователей на субъективную и контекстуальную обусловленность этнической идентичности (Ачкасов 2005: 30–49), жанр национального нарратива не только не угас, но и не утратил присущих ему прочных позиций, что, очевидно, объясняется большой социальной и политической востребованностью таких текстов. Более того, поскольку процесс формирования наций отнюдь не закончился в XX в., а активно продолжается и в наши дни (например, в государствах, образовавшихся после распада СССР), постоянно возникает потребность в переработке старых или создании новых национальных нарративов.

Одним из таких новых (а точнее, возрожденных) национальных нарративов, еще не вполне привычных для постсоветского пространства, является национальный нарратив русинов Закарпатья, вновь заявивших о себе в конце XX в. после долгих десятилетий чуть ли не полного замалчивания их существования. Основа русинской интерпретации древнего прошлого исторической Угорской Руси (т. е. населенных русинами областей Венгерского королевства, входящих ныне в состав Украины (Закарпатье), Словакии (Прешовский край) и Румынии (Марамуреш)) сложилась уже в XIX в. (Данилюк 1999), причем ее краеугольным камнем являлось представление о весьма древнем – не позднее IX в. – появлении (предков) русинов на будущих землях Венгерского королевства. Тезис о древнем происхождении угорских русинов удачно сочетался с тезисом об исключительной для восточных славян древности русинского христианства: в рамках русинского национального нарратива утверждалось, что русины приняли христианство от Кирилла и Мефодия, т. е. за сто с лишним лет до крещения остальных восточных славян киевским князем Владимиром

(Magochi 1994: 68–71; Magocsi 2015: 40). Несмотря на то, что еще в первой половине XX в. эти пункты русинского национального нарратива подверглись критике в академической историографии (Петров 1930: 6–88), а после 1945–1952 гг., когда русинская идентичность в СССР и Чехословакии фактически оказалась под запретом, на несколько десятилетий были преданы забвению, они возродились в конце XX в., в период активизации русинского национального движения (Michna 2010: 93–96).

В настоящей статье мы хотели бы рассмотреть те тезисы русинского историописания, относящиеся к территории исторической Угорской Руси, которые связаны с такой ключевой для любого национального нарратива темой, как происхождение народа. Актуальность данной задачи обусловлена тем, что новые или заново актуализированные версии национальных нарративов, которые в настоящее время в изобилии встречаются на постсоветском пространстве, нередко сталкиваются с неприятием академических сообществ: их обвиняют в ненаучности, тенденциозности и т. п. Хотя подобная критика бывает справедливой, она имеет существенный изъян, так как имплицитно подразумевает возможность существования неких «правильных» национальных нарративов, т. е. она осуществляется не столько с позиций исторической науки как таковой, сколько с позиций других национальных нарративов, более старых и потому уже успевших войти в общественное сознание.

Между тем, с точки зрения конструктивистского подхода, обнаружение несоответствия национальных нарративов исторической реальности выглядит по большому счету излишним, так как конструктивизм, исходящий из факта обусловленности любой этнической идентичности постоянно меняющимся социально-историческим контекстом, стремится по возможности избегать объективистской интерпретации наделенной данной идентичностью группы людей (этноса) как социального актора. Иными словами, конструктивизм стремится не упускать из виду того, что этнос является сугубо воображаемым сообществом и в настоящем, и в прошлом. Благодаря этому конструктивистский подход позволяет сфокусироваться на той стороне национального нарратива, которая обычно ускользает от внимания объективистски настроенных критиков, сосредоточенных на проблеме его соответствия историческим реалиям, а именно на его функциональности и внутренней логике в рамках стоящей перед ним основной задачи: выстраивания в этнических категориях линии преемственности от прошлого к настоящему. Отталкиваясь от этой методологической посылки, мы сконцентрируем внимание не столько на адекватности представлений русинского нарратива о

происхождении русинов исторической реальности, сколько на логике их развития и их значении с точки зрения функций презентации национальной истории.

Вопрос о времени и обстоятельствах появления русинов на территории Карпатской котловины волновал русинских историков практически со времени появления на исходе XVIII в. современной русинской историографии на землях Венгерского королевства. Зародыш этногенетической концепции, элементы которой будут затем воспроизводиться на протяжении многих десятилетий, можно обнаружить уже в труде основоположника русинского историописания И. Базиловича, повествующем об истории Мукачевского монастыря (1799 г.). По мнению Базиловича, «народ русинов» (*gens Ruthenorum*) проживал на территории Венгрии еще до прихода венгров вместе со славянами, болгарами и сербами (Bazilovič 1799: 74). Другой автор русинского происхождения, И.С. Орлай, в специально посвященной переселению русинов за Карпаты работе связывал первое появление русинов («россиян») за Карпатами с движением в Паннонию венгерских отрядов Алмоша, которые, по его мнению, сопровождало множество русинов. Среди прочего Орлай отмечал, что венгерский вождь Зулта поселил часть русинов на венгерско-немецкой границе в крепости, получившей название *Оросвар* (Орлай 1804). Еще дальше в развитии тезиса о древнем венгерско-русинском союзе пошел Ю.И. Венелин, который в своей юношеской работе о «венгерских россиянах», написанной в 1820-е гг., не только говорил о совместном с венграми освоении «россиянами» Карпатской котловины, но и утверждал, что венгры и русины разделили доставшуюся им землю между собой: русины при этом будто бы получили во владение всю северную часть будущей Венгрии, где об их присутствии напоминает название крепости Оросвар (Венелин 1905: 95).

В отличие от Орлая и Венелина, М. Лучкай, автор фундаментальной, написанной на латыни «Истории карпато-рутен» (1843 г.), хотя и не отрицал переселений русинов за Карпаты, происходивших в период миграции венгров и позже, все же считал, что предки русинов по большей части уже обитали в Карпатской котловине ко времени появления здесь венгерских переселенцев. Русины, согласно Лучкаю, были прямыми потомками местного автохтонного славянского народа, известного древним авторам под именами сарматов, гетов, даков и языгов (Лучкай 1988: 123, 132). Похожей позиции позднее придерживался и А. Духнович, автор «Истинной истории карпато-россов» (1853 г.), по мнению которого «русский народ», подобно народам болгарскому, сербскому, валашскому и славянскому, обитал в Карпатах еще в римские времена. Причем, считает Духнович, в

древности имели место переселения «русских» не только в Карпаты, но и с Карпат в русские земли, так как именно карпатский регион, по мнению историка, являлся древней родиной русского народа (Духнович 1914: 532).

Как видно, в ранней русинской историографии в вопросе о времени и обстоятельствах появления русинов на территории Венгрии явственно обозначаются две концепции, которые, абстрагируясь от нюансов, можно было бы обозначить как *миграционизм* (концепция прихода русинов в Карпаты вместе с венграми) и *автохтонизм* (концепция, согласно которой русины еще до прихода венгров проживали на территории будущей Венгрии). Причем если одни авторы отдавали предпочтение миграционизму, то другие предпочитали задействовать в своем объяснении происхождения русинского населения под Карпатами обе названные концепции. Следует подчеркнуть, что в обоих случаях русинские историки не были революционерами, а находились в контексте современной им историографии Венгерского королевства. Так, представление о проживании русинов на землях будущей Венгрии еще до прихода венгров можно было обнаружить в работе словацкого автора А.Ф. Коллара «О происхождении, распространении и поселении народа рутенов в Венгрии» (1749 г.), которая, хотя и оставалась в рукописи, была известна интеллектуалам того времени (Поп 2001: 210). В труде венгерского историка А. Дейчи «О венгерских русинах» (1797 г.) также отстаивался тезис о весьма древнем их появлении в венгерских землях: первоначальное водворение русинов в Венгрии связывалось здесь с временами Атиллы (Décsy 1797: 6), который традиционно считался в венгерской историографии далеким предком Арпада. Сторонником автохтонности русинов был и венгерский историк А. Сирмай, высказывавший убеждение, что русины населяли занимаемые ими земли еще до прихода венгров, будучи известны древним авторам под именем сарматов. При этом Сирмай, подобно всем прочим названным авторам, не отрицал и позднейших русинских миграций с востока (Szirmai 1803: 50–51).

На чем же основались суждения названных историков о происхождении русинов? С миграционистской концепцией, т. е. с представлением о поселении русинов в Карпатской котловине вместе с венграми, дело обстояло просто: она целиком и полностью зиждилась на информации средневекового письменного памятника – «Деяний венгров» (*Gesta Hungarorum*) так называемого «анонимного нотариуса короля Белы». Это письменный памятник, созданный, вероятнее всего, около 1200 г. нотариусом венгерского короля Белы III (1172–1196 гг.), содержал подробное повествование о происхождении венгров и

их переселении в Карпатскую котловину, которое, по информации источника, сопровождалось сражениями и покорением разных народов. Ныне в исторической науке известия этого памятника воспринимаются скорее как отражение исторического сознания венгерской знати эпохи классического средневековья, нежели как достоверный источник информации о периоде венгерского «обретения родины», однако в XVIII – первой половине XIX в., когда делала свои первые шаги русинская историография, он пользовался чуть ли не полным доверием историков.

В 10-й главе «Деяний венгров» рассказывается о якобы имевшем место покорении венграми, которые двигались на запад через земли Восточной Европы, оказавшихся на их пути русов и половцев. По словам Анонима, поклявшись в верности Алмошу, семеро половецких вождей «согласились идти в Паннонию вместе со своими женами и детьми, а также с огромной массой [своего народа]». Так же, по его словам, поступили и русы: «Подобным образом многие из русов присоединились к вождю Альмошу и пришли с ним в Паннонию. Их потомство до сегодняшнего дня проживает в различных местах Венгрии» (Шушарин 1961: 134). Из этого же источника (57-я глава) происходит и важная для русинских историков информация о том, как сын Арпада Золтан, занятый укреплением границ своей державы, предоставил «рутенам», пришедшим с Алмошем в Паннонию, возможность соорудить крепость на ее западных рубежах, на границе с «тевтонами». Отождествление этой безымянной «рутенской крепости» с Оросваром (ныне Русовце в черте Братиславы), впервые упоминаемым под 1208 г. (Волощук 2014: 239), ко времени появления упомянутых работ русинских авторов существовало уже давно.

Таким образом, представленная в работах первых русинских историков концепция переселения русинов в Паннонию вместе с венграми, находившимися в процессе «обретения родины», имела всецело средневековые истоки, почти буквально воспроизводя информацию «Деяний венгров». Иное дело – автохтонизм, т.е. концепция, согласно которой русины проживали в Венгрии задолго до прихода венгров. Хотя, в отличие от миграционизма, автохтонизм не находит ни малейших подтверждений в информации письменных источников, именно в этой концепции, возникшей независимо от средневековой традиции, ярко проявились современные черты исторических представлений русинских авторов. Дело в том, что за неимением прямых письменных свидетельств концепция автохтонности русинского населения в Венгрии требовала от русинских историков более сложного обоснования, нежели это было в случае с миграционистской концепцией, где было достаточно процитировать средневековый текст.

Какие же аргументы пускали в ход русинские историки, пытаясь обосновать автохтонность русинского населения к западу от Карпат? Так, М. Лучкай ссылаясь на отсутствие в источниках известий об изгнании или уничтожении пришедшими в Карпатскую котловину венграми местного славянского населения, что, по его мнению, косвенно могло бы свидетельствовать в пользу автохтонного происхождения русинов. Не менее важным было, по мнению историка, и то, что о поселении русинов за Карпатами ничего не сообщает русский летописец Нестор, мимо внимания которого едва ли прошло бы столь значимое событие. Наконец, сами переселения русинов, происходившие в период занятия венграми Паннонии и позже, хотя, несомненно, и имели место, однако же по самому своему характеру не могли быть переселениями крупных масс народа. Следовательно, полагал Лучкай, местная славянская топонимика в русинских краях была автохтонного происхождения, а сами русины являлись потомками древних славяноязычных жителей Карпатской котловины (Лучкай 1988: 123–124, 138–139).

В 1870-е гг. аргументы в пользу автохтонного происхождения русинов, высказывавшиеся в работах русинских и венгерских авторов конца XVIII – первой половины XIX в., суммировал русинский историк И. Дулишкович, критически рассмотревший все имевшиеся к тому времени суждения о появлении русинов на землях Венгерского королевства. Дулишкович выделял три важнейших соображения, позволяющих, по его мнению, присоединиться к сторонникам автохтонистской концепции. Во-первых, полагал историк, относительно позднее появление названия «русь» (не ранее IX в.) не может служить аргументом против глубокой древности обитания русинов в Венгрии, так как в ту пору они назывались просто славянами. Во-вторых, в те древние времена и у славян в Паннонии, и у славян, живших к востоку от Карпат, был один язык. В-третьих, присутствие в венгерской лексике большого количества слов славянского корня и сильные позиции восточного христианства в ранней истории Венгрии не могут объясняться лишь миграцией с венграми в Паннонию небольшого числа русинов, но прямо указывают на воздействие на венгров больших масс автохтонного «славяно-русского» населения (Дулишкович 1874: 120–122).

Как видно, одним из важнейших аргументов сторонников автохтонизма являлся аргумент языковой: коль скоро русины говорят по-славянски, то они могут считаться потомками древнего населения Карпатской котловины, издревле говорившего по-славянски. Появление подобного аргумента в русинской историографии весьма симптоматично, т. к. находит аналогию в исторической мысли других народов Центральной Европы эпохи формирования наций, когда

стали распространяться этногенетические конструкции, устанавливавшие связь между древними и современными народами через мнимое или реальное родство их языков. Хотя нельзя утверждать, что паннонско-славянский автохтонизм стал для русинов таким же мощным этнонациональным мифом, каким был, например, иллиризм для южных славян, все же необходимо подчеркнуть, что автохтонистский дискурс существенно повлиял на дальнейшую разработку русинского исторического нарратива. Подобно тому как иллиризм позволял южнославянским авторам приписывать славянам деяния древних иллирийцев, концепция автохтонности русинов создала возможность для включения в русинский исторический нарратив некоторых важных сюжетов из эпохи, предшествовавшей появлению в Карпатской котловине венгерских дружин Алмоша и Арпада.

Одним из важнейших исторических сюжетов из «доарпадовской» истории Карпатской котловины, вошедших в русинский исторический нарратив, стала миссия Кирилла и Мефодия в Великой Моравии, начало которой относится к 863 г. Именно с деятельностью солунских братьев в русинской историографии стало связываться принятие русинами христианства, а сами Кирилл и Мефодий со временем приобрели статус особо почитаемых в русинской среде святых. Другой исторический сюжет, ставший пригодным для национальной апроприации благодаря автохтонистским установкам русинских авторов, непосредственно связан с событиями эпохи венгерского «обретения родины» в том виде, в каком они описаны в вышеупомянутых анонимных «Деяниях венгров». Дело в том, что на страницах данного источника упоминается несколько княжеств, якобы существовавших на территории Карпатской котловины к моменту прихода сюда венгров, причем, судя по наличествующим в тексте памятника четким географическим привязкам, одно из них как раз охватывало территорию расселения русинов. Речь идет о владениях комита замка *Hung* (Ужгород) по имени *Loborcu*, безуспешно боровшегося с венграми-завоевателями, вторгшимися в Верхнее Потисье. Согласно Анониму, Верхнее Потисье, где правил *Loborcu*, было частью земель, подвластных правителю Салану, правившему в междуречье Дуная и Тисы и являвшемуся потомком некоего болгарского правителя по имени *Keanus* (SRH: 48). Рассказывая о гибели комита Хунга, повежденного настигшими его венграми, Аноним сообщает, что именно по его имени получила свое название местная река (SRH: 52): речь идет о реке Лаборец, протекающей по территории Восточной Словакии.

Уже в работе А. Духновича «Истинная история карпато-россов» мы встречаем попытку связать «страну Салана», а также соседствовавшую с ней «страну Менуморута» к востоку от Тисы с русинами. Обосно-

ывая русинскую принадлежность этих политических организмов, историк ссылался на якобы славянскую этимологию венгерских названий расположенных в этих краях городов, отмечая, что именно в русинской речи сохранились их оригинальные славянские формы. Это служит автору доказательством их первоначальной славянской, а значит, русинской принадлежности. То, что в венгерском источнике и Салан, и Менуморут связываются с болгарами, историка не смущает: название *болгары*, по его мнению, было собирательным названием разных славянских народов, как, например, название *скифы* служило древним авторам обозначением различных азиатских и кавказских племен (Духнович 1914: 533). Впрочем, владения Салана и Менуморута лежали далеко от областей расселения русинов, на землях, преимущественно населенных венграми и румынами, вследствие чего в русинский национальный нарратив названные вожди все-таки не попали. Иное дело – комит крепости Хунг, который во второй половине XIX в. прочно вошел в русинский нарратив под именем князя Лаборца. Включение этой полулегендарной фигуры в русинский национальный нарратив не только давало возможность говорить о существовании на исходе IX в. особого «русинского княжества», делая, таким образом, русинов «политическим народом», что было крайне необходимо в условиях борьбы за национальную эмансипацию в условиях Габсбургской монархии¹, но и позволяло рассматривать его трагическую гибель в категориях национальной борьбы с завоевателями. Неудивительно, что сюжет о Лаборце не только прочно прописался в русинском историческом нарративе, но и стал служить источником вдохновения для национально ориентированной художественной литературы (Панько 1991).

Казалось бы, можно заключить, что к середине XIX в. у карпато-русинских историков сформировалось довольно ясное и внутренне непротиворечивое представление о происхождении своего народа. И все-таки была у русинского нарратива своего рода «ахиллесова пята». Ею можно считать то обстоятельство, что в рамках автохтонистской интерпретации происхождения русинов не было ясно объяснено то, как и почему местные славяне стали именоваться русинами. Русинский автохтонизм стал особенно уязвим по мере развития критической историографии, когда в откровенное противоречие с ним вступила активно развивавшаяся в исторической науке норманнская теория, в рамках которой с помощью солидных научных аргументов обосновывалось скандинавское происхождение названия *русь*. Показательно, например, что уже М. Лучкай, признавая северное происхождение названия *русь* и связывая его появление в Поднепровье с занятием Киева Олегом в 882 г., считал, что это

название лишь позднее распространилось на славян Потисья – будущих русинов (Лучкай 1988: 131).

Между тем признание, что русское имя проникло за Карпаты уже после того, как туда пришли венгры, бросало вызов традиционному русинскому автохтонизму. Иными словами, считать Кирилла и Мефодия просветителями русинов, а легендарного Лаборца – русским князем стало крайне затруднительно в условиях сформировавшегося в науке консенсуса относительно того, что древнейшая Русская земля складывалась в IX–X вв. в районе Киева, т. е. на огромном расстоянии от Карпат, а первыми носителями имени «русь» были отнюдь не славянские жители, а скандинавские воины и торговцы, контролировавшие торговые пути по Волге и Днепру. Однако уже во второй половине XIX в. представление об исконности проживания русинов в Венгерском королевстве было «спасено» с помощью теории, согласно которой непосредственными предками русинов было «русское» (в тогдашней терминологии – восточнославянское) племя белых хорватов, область расселения которых будто бы охватывала территории Угорской Руси и польской Лемковщины. Как и в случае с более ранними представлениями об автохтонности русинов, «хорватская теория» была обязана своим появлением актуальному для того времени историографическому контексту: так, уроженец Лемковщины галицко-русский автор А. Торонский, обосновывая в своем пионерском труде по этнографии лемков их белохорватское происхождение, ссылаясь на Н.М. Карамзина и П.И. Шафарика (Торонский 1860: 392–395), а знаменитый русинский будитель А. Добрянский, размещая белых хорватов на землях Угорской Руси, – на Карамзина и С.М. Соловьева (Добрянский 1880: 139).

Действительно, к середине XIX в. в европейской науке распространилось представление, что древнее славянское племя хорватов некогда обитало именно в Карпатском регионе, откуда часть его затем отправилась на Балканы. Если не считать самого сходства названий *хорваты* и *Карпаты*, к которому часто апеллировали авторы XIX в., важнейшим основанием для локализации хорватов в этом регионе служили сведения двух средневековых источников: трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), где сообщалось о прародине хорватов – Белой Хорватии, расположенной к северу от Венгрии, и «Повести временных лет» (начало XII в.), где хорваты неоднократно упоминаются в числе славянских племен Восточной Европы. При этом летописные известия об участии хорватов в походе князя Олега на Царьград в 907 г. и о военной кампании, предпринятой против них в 993 г. князем Владимиром, позволяли историкам делать вывод о

весьма раннем вхождении этого славянского племени в состав Киевской Руси (Майоров 2006: 62–79).

Хотя локализация белых хорватов в Галичине и особенно в Закарпатье была и по сей день остается в высшей степени гипотетической (Алимов 2016: 241–255), в рамках такого историографического жанра, как национальный исторический нарратив, любая гипотеза, если она отвечает задаче выстраивания непрерывной истории этноса на занимаемой им территории, имеет шансы превратиться в общепринятый внутри данного этноса «факт биографии» народа. Именно такая метаморфоза, судя по всему, и произошла с «хорватской теорией», которая позволяла сохранить оформившиеся к середине XIX в. базовые элементы русинского нарратива, а именно представления о принятии предками русинов христианства из Великой Моравии и наличии у них к моменту прихода венгров «своего княжества» во главе с Лаборцем (который, таким образом, стал считаться правителем белых хорватов). С распространением «хорватской теории», ставшей в межвоенный период господствующей в русинской историографии, картина ранней истории земель, населенных русинами, приобрела в русинском нарративе внешне убедительный и внутренне непротиворечивый вид. Суть ее заключалась в том, что славянское племя белых хорватов, якобы издавна населявшее как Прикарпатье, так и Закарпатье, было покорено киевскими князьями – сначала (временно) Олегом, а затем (окончательно) Владимиром, в результате чего и приняло новое для себя название «русь» (Пачовський 1920: 15; Бескид 1928: 73–74).

Как справедливо заметил К.В. Шевченко, современную русинскую историографию от той, что существовала в межвоенный период, отличает отказ от представления о вхождении территории, лежащей за Карпатами, в состав Киевской Руси (Шевченко 2010: 47). Оставляя в стороне научную обоснованность такого отказа, лично нам представляющуюся весьма солидной², обратим внимание на последствия, которые концепция отсутствия в Закарпатье власти Киева несет для дальнейшего развития русинского национального нарратива. Нетрудно заметить, что с ее утверждением вновь обостряется проблема появления в Карпатах названия «русь», которая, как уже отмечалось выше, давно является наиболее уязвимым местом русинского автохтонизма. Действительно, если Закарпатье не входило в состав Киевской Руси, то как же местные жители превратились в русинов? Ответ на этот вопрос, который дается в современной словацкой и польской историографии, где русины Угорской Руси и польской Лемковщины давно считаются потомками восточнославянских крестьян-колонистов, расселявшихся в Карпатах в XIV–XVII в. вместе с валахами на

основе так называемого «валашского права», творцов русинского национального нарратива едва ли устроит: принятие данной точки зрения означало бы не только полный отказ от автохтонизма в пользу миграционизма, но и еще большее, чем в случае с тезисом о присутствии за Карпатами власти Киевской Руси, растворение этнической и исторической индивидуальности местного русинского населения в восточнославянском (прежде всего, украинском) этническом массиве, чего русинский национальный исторический нарратив по определению не должен допускать.

В этой связи средством сохранения русинского автохтонизма и вытекающих из него представлений о ранней истории русинов, проживающих за Карпатами (принятие предками русинов христианства в IX в. и наличие у них своей политической единицы во главе с князем Лаборцем), неминуемо становится намеченная еще в XIX в. историческая схема, хотя и признававшая наличие миграций населения с востока, но отводившая основную роль в формировании русинского населения, проживающего за Карпатами, местному славянскому субстрату. Следует отметить, что описание истории народа, акцентирующее внимание на этническом субстрате и не придающее центрального значения происхождению его названия, находит аналогию во многих современных национальных историографиях, являясь привычным способом преодоления противоречий между автохтонистской и миграционистской интерпретациями этногенеза. В этом смысле артикуляция в современной русинской историографии роли этнического субстрата в этногенезе русинов Закарпатья может знаменовать возвращение – пусть и на совершенно новом научном уровне – к традиционному для русинского нарратива автохтонистскому тезису. Таким образом, колебание между миграционизмом и автохтонизмом, характерное уже для начальных этапов формирования русинского исторического нарратива, можно считать свойством, имплицитно ему присущим. Осознание данной ситуации, которая сама по себе отнюдь не является уникальной для такого жанра историографии, как национальный исторический нарратив, позволяет тем не менее не только понять внутреннюю логику развития русинского нарратива, но и адекватно охарактеризовать его специфику в глобальном историографическом контексте.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Похожую роль играло в русинском историческом нарративе и представление о существовании в средневековой Венгрии особой русинской автономии – «Русской марки», основанное на упоминании под 1127 г. в Житии Конрада Зальцбургского некоей «марки рутенов»

(*marchia Ruthenorum*), а также на загадочном титуле «*dux Ruizorum*», использованном в «Хильдесхаймских анналах» (1060-е гг.) по отношению к венгерскому герцогу Имре. Местонахождение марки рутенов, а также причины, по которой она так называлась, до сих пор остаются предметом споров в исторической науке. Высказываются гипотезы, что так именовалась территория Венгрии, пограничная с Русью, или область, где селились прибывавшие в Венгрию русские купцы. Относительно Имре существует предположение, что он командовал воинами-русами, находившимися на службе у венгерского короля (Волощук 2014: 102–109).

2. В украинской историографии известие «Венгерско-польской хроники» (XIII в.), согласно которому границы Польши, Венгрии и Руси в начале XI в. сходились где-то в районе «соляной крепости» (*castrum Salis*), интерпретировалось в том смысле, что земли к востоку от «соляной крепости», отождествляемой с одним из населенных пунктов Восточной Словакии, принадлежали Руси (Лелекач 1949: 35–36; Пеняк 2012: 15–16). Между тем внимательное чтение данного известия, в котором описывается контур южной границы Польши (включавшей тогда в свой состав Моравию и Словакию) сначала с севера на юг, а затем с юга на север, в сочетании с отождествлением «соляной крепости» с Соливаром (Прешов) позволяет думать, что речь здесь шла о русских владениях к северу от Прешова, в районе Карпатского хребта, так как после похода князя Владимира «на ляхов» (летописная дата – 981 г.) и завоевания им Пшемисля территория Руси в западном направлении расширилась к северу от Карпат до района Дукельского перевала (Kurtyka 1996). При такой интерпретации получается, что земли к востоку от Прешова (Закарпатье) уже в начале XI в. принадлежали Венгрии. К мнению о том, что земли Закарпатья в раннем средневековье были ничейной, «буферной» территорией между Русью и Венгрией, склоняется М.К. Юрасов (Юрасов 2010: 8).

ЛИТЕРАТУРА

Алимов 2016 - Алимов Д.Е. Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб.: Нестор-История, 2016. 380 с.

Ачкасов 2005 - Ачкасов В.А. Этнополитология: учебник. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2005. 337 с.

Бескид 1928 - Бескид Н.А. Карпаторусская древность. Ужгород: Изд. Лит. об-ва им. А. Духновича, 1928. 160 с.

Венелин 1905 - Венелин Ю.И. Несколько слов о россиянах венгерских, и также одно словцо историческое о православной греко-восточной церкви

в Венгрії // Матеріали по історії возродження Карпатської Русі. Львів: Печатня Ставропигийского ин-та, 1905. Ч. I: Сношения Карпатской Руси с Россией в 1-й половине XIX века / Собрал И.С. Свенцицкий. С. 86–106.

Волощук 2014 - *Волощук М.М.* «Русь» в Угорському королівстві (XI – друга половина XIV ст.): суспільно-політична роль, майнові стосунки, міграції. Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2014. 496 с.

Данилюк 1999 - *Данилюк Д.* Історична наука на Закарпатті (кінець XVIII – перша половина XX ст.). Ужгород: Патент, 1999. 352 с.

Добрянский 1880 - *Добрянский А.И.* О западных границах Подкарпатской Руси со времен св. Владимира // Журнал Министерства народного просвещения. 1880. Ч. CCVIII. С. 134–159.

Дулишкович 1874 - *Дулишкович И.* Исторические черты угро-русских. Унгар: Печатня Карла Иегера и Альберта Ю. Рейпайа, 1874. Тетрадь I. 135 с.

Духнович 1914 - *Духнович А.* Истинная история карпато-россов или угорских русинов // Русский архив. М.: Синодальная тип., 1914. Ч. 4. С. 529–559.

Лелекач 1949 - *Лелекач Н.М.* Про приналежність Закарпаття до Київської Русі в X–XI ст. // Наукові записки Ужгородського державного університету. 1949. Т. 2. С. 16–37.

Лучкай 1988 - *Лучкай М.* Historia Carpato-Ruthenorum / Латинський текст дешифрував і переклав на українську мову Юрій Сак // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Пряшів, 1988. Т. 13. С. 109–245.

Магочій 1994 - *Магочій П.Р.* Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Ужгород: Поличка «Карпатського краю», 1994. 296 с.

Майоров 2006 - *Майоров А.В.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006. 209 с.

Орлай 1804 - *Орлай И.С.* История о карпато-россах или о переселении россиян в Карпатские горы и о приключениях с ними случившихся // Северный вестник. 1804. Ч. 1, № 2. С. 158–172; № 3. С. 261–276; Ч. 3, № 8. С. 267–293.

Панько 1991 - *Панько Ю.* Історія одної легенди // Науковий збірник Музею української культури у Свиднику. Пряшів, 1991. Т. 17. С. 275–302.

Пачовський 1920 - *Пачовський В.* История Подкарпатской Руси. Ужгород: Книгопечатня акционерного товариства «Унію», 1920. Ч. I. 145 с.

Пеняк 2012 - *Пеняк П.* Чи було Закарпаття складовою частиною Русі-України на початках княжої доби? // Княжа доба: історія і культура. Львів, 2012. Вип. 6. С. 9–17.

Петров 1930 - *Петров А.Л.* Древнейшие грамоты по истории карпато-русской церкви и иерархии 1391–1498 г. Praha: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi, 1930. 231 с.

Поп 2001 - *Поп И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Изд-во В. Падяка, 2001. 431 с.

Тороньский 1860 - *Тороньский А.И.* Русины-лемки // Зоря Галицкая, яко альбум на год 1860. Львов: Типом Ин-та Ставропигийского, 1860. С. 389–428.

Шевченко 2010 - *Шевченко К.В.* Славянская Атлантида: Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX вв. М.: Регнум, 2010. 414 с.

Шушарин 1961 - *Шушарин В.П.* Русско-венгерские отношения в IX веке // Международные связи России до XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 131–180.

Юрасов 2010 - *Юрасов М.К.* Подкарпатская Русь в эпоху «обретения родины» венграми // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 3–16.

Bazilovits 1799 - *Bazilovits J.* Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits olim ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, in Monte Csernek ad Munkacs, anno MCCCLX. Factae. Pars Secunda. Cassoviae: Ex Typographia Ellingeriana, 1799. 207 p.

Décsy 1797 - *Décsy A.* Az magyar oroszokrúl való igen rövid elmélkedés. Kassa: F. Landerer, 1797. 67 p.

Kurtyka 1996 - *Kurtyka J.* Południowy odcinek granicy polsko-ruskiej we wczesnym średniowieczu (przed 1340 r.) w świetle źródeł historycznych // *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu* / Red. M. Parczewski. Rzeszów: Mitel, 1996. S. 183–204.

Magocsi 2015 - *Magocsi P.R.* With their backs to the mountains: a history of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: Central European University Press, 2015. 511 p.

Michna 2010 - *Michna E.* «The Rusyn's history is more beautiful than the Ukrainians'». Using history in the process of legitimization of national aspiration by Carpatho-Rusyn ethnic leaders in Transcarpathian Ukraine // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. № 1 (7). С. 89–108.

Schöpfli 1997 - *Schöpfli G.* The functions of myth and taxonomy of myths // *Myths and Nationhood* / Ed. by G. Schöpfli and G.A. Hosking. New York: Taylor & Francis, 1997. P. 19–35.

SRH - *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum* / Ed. E. Szentpétery. Budapestini: Academia Litteraria Hungarica, 1937. Vol. I. 553 p.

Szirmay 1803 - *Szirmay A.* Notitia topographica, politica inclyti comitatus Zempléniensis. Budae: Typis Regiae Universitatis Pestanae, 1803. 486 p.

REFERENCES

Alimov, D.E. (2016) *Etnogenez khorvatov: Formirovanie khorvatskoy etnopoliticheskoy obshchnosti v VII–IX vv.* [Ethnogenesis of the Croats: The formation of the Croat ethno-political community in the 7th – 9th centuries]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

Achkasov, V.A. (2005) *Etnopolitologiya* [Ethnopolitology]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Beskid, N.A. (1928) *Karpatorusskaya drevnost'* [Carpatho-Rusin Antiquity]. Uzhgorod: Lit. ob-va im. A. Dukhnovicha.

Venelin, Yu.I. (1905) Neskol'ko slov o rossiyanakh vengerskikh, i takzhe odno slovtso istoricheskoe o Pravoslavnoy Greko-Vostochnoy tserkvi v Vengrii [Some words on the Hungarian Russians, and a historical note on the Orthodox Church in Hungary]. In: Svetsitskiy, I.S. *Materialy po istorii vozrozhdeniya Karpatskoy Rusi* [Materials on the history of the revival of Carpathian Rus]. Part 1. Lvov: Stauropogion Insitute. pp. 86–106.

Voloshchuk, M.M. (2014) "Rus" v Ugors'komu korolivstvi (XI – druga polovina XIV st.): suspil'no-politychna rol', maynovi stosunki, migratsii ["Rus" in the Hungarian kingdom (the 11th – second half of the 14th century: Socio-political role, property relations, migrations)]. Ivano-Frankivsk: Lileya-NV.

Danilyuk, D. (1999) *Istorychna nauka na Zakarpatti (kinets' XVIII – persha polovyna XX st.)* [History in Transcarpathia (the end of the 18th – the first half of the 20th centuries)]. Uzhgorod: Patent.

Dobryanskiy, A.I. (1880) O zapadnykh granitsakh Podkarpatskoy Rusi so vremen sv. Vladimira [On western borders of Subcarpathian Rus from the times of St. Vladimir]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 208. pp. 134–159.

Dulishkovich, I. (1874) *Istoricheskie cherty ugro-russkikh* [Historical features of the Ugro-Russians]. Vol. I. Ungvar: Carl leger and Albert Reypay.

Dukhnovich, A. (1914) Istinnaya istoriya karpato-rossov ili ugorskikh rusinov [True history of the Carpatho-Russians or Hungarian Rusins]. *Russkiy arkhiv*. 4. pp. 529–559.

Lelekach, N.M. (1949). Pro prynalizhnist' Zakarpattya do Kyivs'koy Rusi v X–XI st. [On Transcarpathia's belonging to Kievan Rus in the 10th–11th centuries]. *Naukovi zapysky Uzhgorods'kogo derzhavnogo universytetu*. 2. pp. 16–37.

Luchkay, M. (1988) *Historia Carpato-Ruthenorum* [History of Carpatho-Rusins]. *Naukovyy zbirnyk Muzeu ukraïns'koy kul'tury u Svydnyku*. 13. pp. 109–245.

Magochi, P.R. (1994) *Formuvannya natsional'noy samosvidomosti: Pidkarpats'ka Rus' (1848–1948)* [The shaping of a national identity: Subcarpathian Rus, 1848–1948]. Uzhgorod: Polychka "Karpats'kogo krayu".

Maïorov, A.V. (2006) *Velikaya Horvatiya: Etnogenez i rannyya istoriya slavyan Prikarpat'skogo regiona* [Great Croatia: The ethnogenesis and early history of the Slavs of the Carpathian region]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Orlay, I.S. (1804) *Istoriya o karpato-rossakh ili o pereselenii rossiyan v Karpatskie gory i o priklyucheniakh s nimi sluchivshchikhsya* [History of the Carpatho-Russians, or of the migration of the Russians to the Carpathian mountains and adventures that happened with them]. *Severnyy vestnik*. 1(2). pp. 158–172.

- Panko, Yu. (1991) Istoriya odnoi legendy [History of a legend]. *Naukovyy zbirnyk Muzeiu ukrayns'koy kul'tury u Svydnyku*. 17. pp. 275–302.
- Pachovskiy, V. (1920) *Istoriya Podkarpatskoy Rusi. Chast' I*. [History of Subcarpathian Rus. Part I]. Uzhgorod: Unio.
- Penyak, P. (2012). Chy bulo Zakarpattya skladovoyu chastynoyu Rusi-Ukrayny na pochatkakh knyazhoy doby? [Was Transcarpathia an integral part of Rus-Ukraine at the beginning of the age of Duchies?]. In: Aleksandrovich, V. (ed.) *Knyazha doba: istoriya i kul'tura* [The epoch of Dukes: History and Culture:]. 6. pp. 9–17.
- Petrov, A.L. (1930) *Drevneyshie gramoty po istorii karpato-russkoy tserkvi i ierarkhii 1391–1498 g.* [The oldest documents on the history of the Carpatho-Ruthenian church and hierarchy: 1391–1498]. Prague: Sbor pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi.
- Pop, I. (2001) *Entsiklopediya Podkarpatskoy Rusi* [Encyclopedia of Subcarpathian Rus]. Uzhgorod: V. Padyak.
- Toronskiy, A.I. (1860) Rusiny-lemki [Lemko-Rusins]. In: *Zorya Galitskaya, yako al'bum na god 1860* [Zorya Galitskaya, as an album for the year 1860]. Lvov: Stauropegion Institute. pp. 389–428.
- Shevchenko, K.V. (2010) *Slavyanskaya Atlantida: Karpatskaya Rus' i rusiny v XIX – pervoy polovine XX vv.* [The Slavic Atlantis: Carpathian Rus and the Rusins in the 19th and the first half of the 20th centuries]. Moscow: Regnum.
- Shusharin, V.P. (1961) Russko-vengerskie othosheniya v IX veke [Russian-Hungarian relations in the 9th century]. In: Zimin, A.A. & Pashuto, V.T. (eds) *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII veka* [International relations of Russia before the 17th century]. Moscow: USSR AS. pp. 131–180.
- Yurasov, M.K. (2010). Podkarpatskaya Rus' v epokhu "obreteniya rodiny" vengramy [Subcarpathian Rus at the age of "finding a motherland" by the Hungarians]. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1 (7). pp. 3–16.
- Bazilovits, J. (1799) *Brevis notitia foundationis Theodori Koriathovits olim ducis de Munkacs, pro religiosis Ruthenis Ordinis Sancti Basilii Magni, in Monte Csernek ad Munkacs, anno MCCCCLX. Factae. Pars Secunda*. Cassoviae: Ex Typographia Ellingeriana.
- Décsey, A. (1797) *Az magyar oroszokrúl való igen rövid elmélkedés* [Short essay on the Hungarian Rusins]. Kassa: F. Landerer.
- Kurtyka, J. (1996). Południowy odcinek granicy polsko-ruskiej we wczesnym średniowieczu (przed 1340 r.) w świetle źródeł historycznych [Southern section of the Polish-Ruthenian border in the early Middle Ages (before 1340)] [The southern section of the Polish-Russian border in the early Middle Ages (before 1340) in the light of historical sources]. In: Parczewski, M. (ed.) *Początki sąsiedztwa. Pogranicze etniczne polsko-rusko-słowackie w średniowieczu* [Beginnings of neighborhood. Polish-Ruthenian-Slovak ethnic borderland in the Middle Ages]. Rzeszów: Mitel. pp. 183–204.

Magocsi, P.R. (2015) *With their backs to the mountains: A history of Carpathian Rus and Carpatho-Rusins*. Budapest; New York: Central European University Press.

Michna, E. (2010) "The Rusyn's history is more beautiful than the Ukrainians". Using history in the process of legitimisation of national aspiration by Carpatho-Rusyn ethnic leaders in Transcarpathian Ukraine. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1(7). pp. 89–108.

Schöpflin, G. (1997). The functions of myth and taxonomy of myths. In: Schöpflin, G. & Hosking, G.A. (eds) *Myths and Nationhood*. New York: Taylor & Francis. pp. 19–35.

Szentpétery, E. (1937) *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum*. Vol. I. Budapesti: Academia Litteraria Hungarica.

Szirmay, A. (1803) *Notitia topographica, politica inclyti comitatus Zempléniensis*. Budae: Typis Regiae Universitatis Pestanae.

Алимов Денис Евгеньевич – доцент кафедры истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Россия).

Alimov Denis – Saint Petersburg State University (Russia).

E-mail: d.alimov@spbu.ru.